

РАСКОЛЬНИКОВ

Пьеса Николая Коляды в одном действии.

1. СОН

РАСКОЛЬНИКОВ. Страшный сон. Приснилось детство, еще в моем городке. Мне лет семь и я гуляю в праздничный день, под вечер, с отцом за городом. Время серенькое, день удушливый. Городок стоит открыто, как на ладони, кругом ни ветлы и где-то очень далеко, на самом краю неба, чернеется лесок. У городского огорода стоит кабак, большой кабак, мне всегда было страшно, когда я проходил мимо, гуляя с отцом. Там всегда была такая толпа, так орали, хохотали, ругались, так безобразно и сипло пели и так часто дрались, а кругом кабака шлялись всегда пьяные и страшные рожи... Я всегда тесно прижимался к отцу и дрожал.

Возле кабака дорога, проселок, всегда пыльная, и пыль на ней всегда такая черная. Идет, извиваясь, далее и шагах в трехстах огибает вправо городское кладбище. Среди кладбища каменная церковь с зеленым куполом, в которую я раза два в год ходил с отцом и с матерью к обедне, когда служились панихиды по бабушке, умершей уже давно, и которую я никогда не видал. Мы брали с собою кутью на белом блюде, в салфетке, а кутья была сахарная из рису и изюму, вдавленного в рис крестом.

Подле бабушкиной могилы, на которой была плита, была и маленькая могилка моего меньшого брата, умершего шести месяцев и которого я тоже совсем не знал и не мог помнить, но мне сказали, что у меня был маленький брат, и я каждый раз, как посещал кладбище, крестился над могилкой, кланялся ей и целовал ее.

И вот снится мне: мы с отцом идем по дороге к кладбищу и проходим мимо кабака. Там будто гулянье, толпа разодетых мещанок, баб, их мужей и всякого сброду. Все пьяны, все поют песни, а подле кабачного крыльца стоит телега. Это одна из тех больших телег, в которые впрягают больших ломовых лошадей и перевозят в них товары и винные бочки.

Я всегда любил смотреть на этих огромных ломовых коней, долгогривых, с толстыми ногами, идущих спокойно, мерным шагом и везущих за собою какую-нибудь целую гору, нисколько не надсаждаясь, как будто им с возами даже легче, чем без возов.

Но теперь, странное дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна из тех, которые надрываются иной раз с высоким каким-нибудь возом дров или сена, особенно коли воз застрянет в грязи или в колее, и при этом их так больно, так больно бьют всегда мужики кнутами, иной раз даже по самой морде и по глазам, а мне так жалко, так жалко на это смотреть, что я чуть не плачу, а мамаша всегда, бывало, отводит меня от окошка.

Но вот вдруг становится очень шумно: из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики в красных и синих рубашках, с армяками внакидку.

- Садись, все садись! - кричит один, еще молодой, с толстою такою шеей и с мясистым, красным, как морковь, лицом, - всех довезу, садись!

Но тотчас же смех и восклицанья:

- Этака кляча да повезет! Да ты, Миколка, в уме, что ли: этаку кобыленку в таку телегу запрег! А ведь савраске-то беспременно лет двадцать уж будет, братцы!

- Садись, всех довезу! - кричит Миколка, берет вожжи и становится на передке во весь рост. - А кобыленка этта, братцы, только сердце мое надрывает: так бы, кажись, ее и убил, даром хлеб ест. Говорю, садись! Вскачь пуцу! Вскачь пойдет!

И он берет в руки кнут, готовясь сечь савраску.

- Да садись, чего! - хохочут в толпе. - Слышь, вскачь пойдет! Она вскачь-то уж десять лет, поди, не прыгала.

- Запрыгает! Не жалей, братцы, бери всяк кнуты, зготовляй! И то! Секи ее!

Все лезут в Миколкину телегу с хохотом. Налезло человек шесть. Берут с собою одну бабу, толстую и румяную. Два парня в телеге тотчас же берут по кнуту, чтобы помочь Миколке. Раздается: «ну!», клячонка дергает изо всей силы, семенит ногами, кряхтит и приседает от ударов трех кнутов, сыплющихся на нее.

Миколка в ярости сечет кобыленку. И хлещет, хлещет, и уже не знает, чем и бить от остервенения.

- Папочка, папочка, - кричу я отцу, - папочка, что они делают? Папочка, бедную лошадку бьют!

- Пойдем, пойдем! - говорит отец, - пьяные, шалят, дураки: пойдем, не смотри! - и хочет увести меня, но я вырываюсь из его рук и бегу к лошадке.

Она задыхается, останавливается, опять дёргает, чуть не падает.

- Секи до смерти! - кричит Миколка, - на то пошло. Засеку!

Два парня из толпы достают еще по кнуту и бегут к лошаденке сечь ее с боков. Каждый бежит с своей стороны.

- По морде ее, по глазам хлещи, по глазам! - кричит Миколка.

- Песню, братцы! - кричит кто-то с телеги, и все в телеге подхватывают. Бабенка щелкает орешки и посмеивается...

Я бегу к лошадке, забегаю вперед, вижу, как ее секут по глазам, по самым глазам!

- А чтобы те леший! - вскрикивает в ярости Миколка. Он бросает кнут, нагибается и вытаскивает со дна телеги длинную и толстую оглоблю, берет ее за конец в обе руки и с усилием размахивается над савраской.

- Мое добро! - кричит Миколка и со всего размаху опускает оглоблю.

А Миколка намахивается в другой раз, и другой удар со всего размаху ложится на спину несчастной клячи.

Миколка в бешенстве, что не может с одного удара убить. Удар рухнул; кобыленка зашаталась, осела, хотела было дернуть, но лом снова со всего размаху ложится ей на спину, и она падает на землю, точно ей подсекли все четыре ноги разом. Несколько парней, тоже красных и пьяных, схватывают что попало - кнуты, палки, оглоблю, и бегут к издыхающей кобыленке.

Миколка становится сбоку и начинает бить ломом зря по спине. Кляча протягивает морду, тяжело вздыхает и умирает.

- А зачем вскачь не шла! Мое добро! - кричит Миколка, с ломом в руках и с налитыми кровью глазами. Он стоит будто жалея, что уж некого больше бить.

- Ну и впрямь, знать, креста на тебе нет! - кричат из толпы уже многие голоса.

Я пробился сквозь толпу к савраске, обхватил ее мертвую, окровавленную морду и целовал ее, целовал ее в глаза, в губы...

Отец схватил меня, наконец, и вынес из толпы.

- Пойдем! пойдем! - говорит мне, - домой пойдем!

- Папочка! За что они... бедную лошадку... убили!

- Пьяные, шалят, не наше дело, пойдем! - говорит отец.

Я обхватил отца руками, но грудь мне теснит, теснит.

Просыпаюсь. Слава Богу, это только сон! Уж не горячка ли во мне начинается: такой безобразный сон! Боже! Да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели? Да что же это я! Ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил? Ведь еще вчера, вчера, когда я пошел делать эту... пробу, ведь я вчера же понял совершенно, что не вытерплю... Чего ж я теперь-то? Чего ж я еще до сих пор сомневался? Ведь вчера же, сходя с лестницы, я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко... ведь меня от одной мысли наяву стошнило и в ужас бросило... Нет, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь это всё, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика. Господи! Ведь я всё же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!.. Чего же, чего же и до сих пор... Господи! покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!...

2. ПРОБА.

ТЕНЬ. Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела. Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысы, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела.

РАСКОЛЬНИКОВ. Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.

- Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, - поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.

ТЕНЬ. Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, - отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица.

РАСКОЛЬНИКОВ. Так вот-с... и опять, по такому же дельцу... - продолжал Раскольников, немного смутившись и удивляясь недоверчивости старухи. «Может, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил», - подумал он с неприятным чувством.

ТЕНЬ. Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед: - Пройдите, батюшка.

РАСКОЛЬНИКОВ. Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем. «И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!..» - как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова, и быстрым взглядом окинул он всё в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение.

ТЕНЬ. Но в комнате не было ничего особенного. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, - вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада.

РАСКОЛЬНИКОВ. Всё было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; всё блестело. «Лизаветина работа», - подумал молодой человек. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. «Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота», - продолжал про себя Раскольников и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал. Вся квартира состояла из этих двух комнат.

ТЕНЬ. Что угодно? - строго произнесла старушонка, войдя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо.

РАСКОЛЬНИКОВ. Заклад принес, вот-с! - И он вынул из кармана старые плоские серебряные часы. На оборотной дощечке их был изображен глобус. Цепочка была стальная.

ТЕНЬ. Да ведь и прежнему закладу срок. Еще третьего дня месяц как минул.

РАСКОЛЬНИКОВ. Я вам проценты еще за месяц внесу; потерпите.

ТЕНЬ. А в том моя добрая воля, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать.

РАСКОЛЬНИКОВ. Много ль за часы-то, Алена Ивановна?

ТЕНЬ. А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит. За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

РАСКОЛЬНИКОВ. Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу.

ТЕНЬ. Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.

РАСКОЛЬНИКОВ. Полтора рубля!

ТЕНЬ. Ваша воля. - И старуха протянула ему обратно часы.

РАСКОЛЬНИКОВ. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел. - Давайте! - сказал он грубо.

ТЕНЬ. Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески.

РАСКОЛЬНИКОВ. Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и соображал. Слышно было, как она отперла комод. «Должно быть, верхний ящик. Ключи она, стало быть, в правом кармане носит... Все на одной связке, в стальном кольце... И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатою бородкой, конечно, не от комода... Стало быть, есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка... Вот это любопытно. У укладок всё такие ключи... А впрочем, как это подло всё...»

ТЕНЬ. Старуха воротилась. - Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. Да за два прежних рубля с вас еще причтается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек. Вот получите-с.

РАСКОЛЬНИКОВ. Как! Так уж теперь рубль пятнадцать копеек!

ТЕНЬ. Точно так-с.

РАСКОЛЬНИКОВ. Молодой человек спорить не стал и взял деньги. Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно... - Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще

одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... - Он смутился и замолчал.

ТЕНЬ. Ну тогда и будем говорить, батюшка.

РАСКОЛЬНИКОВ. Прощайте-с... А вы всё дома одни сидите, сестрицы-то нет? - спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю.

ТЕНЬ. А вам какое до нее, батюшка, дело?

РАСКОЛЬНИКОВ. Да ничего особенного. Я так спросил. Уж вы сейчас... Прощайте, Алена Ивановна!

Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это всё более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-то внезапно пораженный. И наконец, уже на улице, он воскликнул: - О Боже! Как это всё отвратительно! И неужели, неужели я... Нет, это вздор, это нелепость! И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...

3. ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ

НАСТАСЬЯ. Вставай, чего спишь! Десятый час. Я тебе чай принесла; хошь чайку-то? Поди отощал?

РАСКОЛЬНИКОВ. А, это ты, Настасья? Чего тебе? Чай-то от хозяйки, что ль?

НАСТАСЬЯ. Како от хозяйки!

РАСКОЛЬНИКОВ. Вот, Настасья, возьми, пожалуйста, медь только, сходи и купи мне сайку. Да возьми в колбасной хоть колбасы немного, подешевле.

НАСТАСЬЯ. Сайку я тебе сею минутою принесу, а не хошь ли вместо колбасы-то щей? Хорошие щи, вчерашние. Еще вчера тебе отставила, да ты пришел поздно. Хорошие щи. На, ешь. Хозяйка квартиры в полицу на тебя хочет жалиться.

РАСКОЛЬНИКОВ. В полицию? Что ей надо?

НАСТАСЬЯ. Денег не платишь и с фатеры не сходишь. Известно, что надо.

РАСКОЛЬНИКОВ. Э, черта еще этого доставало, нет, это мне теперь... некстати... Дура она. Я сегодня к ней зайду, поговорю.

НАСТАСЬЯ. Дура-то она дура, такая же, как и я, а ты что, умник, лежишь как мешок, ничего от тебя не видать? Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?

РАСКОЛЬНИКОВ. Я делаю...

НАСТАСЬЯ. Что делаешь?

РАСКОЛЬНИКОВ. Работу...

НАСТАСЬЯ. Каку работу?

РАСКОЛЬНИКОВ. Думаю.

НАСТАСЬЯ (*смеётся*). Денег-то много, что ль, надумал? Без сапог нельзя детей учить.

РАСКОЛЬНИКОВ. Да и наплевать.

НАСТАСЬЯ. А ты в колодезь не плюй.

РАСКОЛЬНИКОВ. За детей медью платят. Что на копейки сделаешь?

НАСТАСЬЯ. А тебе бы сразу весь капитал?

РАСКОЛЬНИКОВ. Да, весь капитал.

НАСТАСЬЯ. Ну, ты помаленьку, а то испугаешь; страшно уж очинна. За сайкой-то ходить али нет?

РАСКОЛЬНИКОВ. Как хочешь.

НАСТАСЬЯ. Да, забыла! К тебе ведь письмо вчера без тебя пришло.

РАСКОЛЬНИКОВ. Письмо! ко мне! от кого?

НАСТАСЬЯ. От кого, не знаю. Три копейки почтальону своих отдала. Отдашь, что ли?

РАСКОЛЬНИКОВ. Так неси же, ради бога, неси! господи! Это от мамы. Настасья, уйди, ради бога, вот твои три копейки, только, ради бога, скорей уйди!

Он быстро поднес письмо к губам и поцеловал.

« ... Милый мой Родя, вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно, от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая. Ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше всё, вся надежда, упование наше. Что было со мною, когда я узнала, что ты уже несколько месяцев оставил университет, за неимением чем содержать себя, и что уроки и прочие средства твои прекратились! Чем могла я с моими ста двадцатью рублями в год пенсионера помочь тебе? Пятнадцать рублей, которые я послала тебе четыре месяца назад, я занимала, как ты и сам знаешь, в счет этого же пенсионера, у здешнего нашего купца Афанасия Ивановича Вахрушина. Но теперь, слава богу, я, кажется, могу тебе еще выслать, да и вообще мы можем теперь даже похвалиться фортуной, о чем и спешу сообщить тебе. И, во-первых, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вот уже полтора месяца как живет со мною, и мы уже больше не разлучимся и впредь. Когда ты писал мне, тому назад два месяца, что слышал от кого-то, будто Дуня терпит много от грубости в доме господ Свидригайловых, и спрашивал от меня точных объяснений, - что могла я тогда написать тебе в ответ? Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла вперед целых сто рублей, под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом. Сумму же эту она более для того, чтобы выслать тебе шестьдесят

рублей. Мы тебя тогда обманули, написали, что это из скопленных Дунечкиных прежних денег. Господин Свидригайлов сначала обходился с ней очень грубо и делал ей разные неучтивости и насмешки за столом... Дунечке было очень тяжело. Представь себе, что этот сумасброд давно уже возымел к Дуне страсть, но всё скрывал это под видом грубости и презрения к ней. Не удержался и осмелился сделать Дуне явное и гнусное предложение, обещая ей разные награды и сверх того бросить всё и уехать с нею в другую деревню или, пожалуй, за границу. Развязка же наступила неожиданная. Марфа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшего Дунечку в саду, и, поняв всё превратно, во всем ее же и обвинила, думая, что она-то всему и причиной. Марфа Петровна даже ударила Дуню, не хотела ничего слушать, а сама целый час кричала и, наконец, приказала тотчас же отвезти Дуню ко мне в город, на простой крестьянской телеге, в которую сбросили все ее вещи, белье, платья. Целый месяц у нас по всему городу ходили сплетни об этой истории, и до того уж дошло, что нам даже в церковь нельзя было ходить с Дуней от презрительных взглядов и шептаний, и даже вслух при нас были разговоры. Все-то знакомые от нас отстранились, все перестали даже кланяться, и я наверно узнала, что купеческие приказчики и некоторые канцеляристы хотели нанести нам низкое оскорбление, вымазав дегтем ворота нашего дома, так что хозяева стали требовать, чтобы мы с квартиры съехали. Я заболела, Дунечка же была тверже меня, и если бы ты видел, как она всё переносила и меня же утешала и ободряла! Она ангел! Но, по милосердию божью, наши муки были сокращены: господин Свидригайлов одумался и раскаялся и, вероятно пожалев Дуню, представил Марфе Петровне письмо, принуждена была написать и передать ему, чтоб отклонить личные объяснения и тайные свидания. Марфа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», вполне убедилась в невинности Дунечкиной и на другой же день, в воскресенье, приехав прямо в собор, на коленях и со слезами молила владычицу дать ей силу перенести это новое испытание и исполнить долг свой. Затем, прямо из собора, ни к кому не заезжая, приехала к нам, рассказала нам всё, горько плакала и, в полном раскаянии, обнимала и умоляла Дуню простить ее. Она вполне восстановила честь Дунечки, и вся гнусность этого дела легла неизгладимым позором на ее мужа. Всё это способствовало главным образом и тому неожиданному случаю, через который теперь меняется, можно сказать, вся судьба наша. Узнай, милый Родя, что к Дуне посватался жених. Он уже надворный советник, Петр Петрович Лужин. Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал. Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам. Ты знаешь характер сестры твоей, Родя. Это девушка твердая, благоразумная, терпеливая и великодушная, хотя и с пылким сердцем, что я хорошо в ней изучила. Петр Петрович отправляется теперь в Петербург. У него там большие дела, и он хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору. В Петербург же ему и потому необходимо, что там у него одно значительное дело в сенате. Таким образом, милый Родя, он и тебе может быть весьма полезен, даже во всем, и мы с Дуней уже положили, что ты мог бы определенно начать свою будущую карьеру. О если б это осуществилось! Мы уже рискнули сказать несколько слов на этот счет Петру Петровичу. Он сказал, что ему без секретаря обойтись нельзя, то, разумеется, лучше платить жалованье родственнику, чем чужому. Уже наверно решено, что я и Дуня выезжаем в Петербург, когда именно, не знаю, но, во всяком случае, очень, очень скоро, даже, может быть, через неделю. Всё зависит от распоряжений Петра Петровича. Теперь, как узнали все, что Дунечка выходит за Петра

Петровича, и мой кредит вдруг увеличился, так что я тебе, может быть, рублей двадцать пять или даже тридцать пришлю. Прислала бы и больше, но боюсь за наши расходы дорожные. Бесценный мой Родя, обнимаю тебя до близкого свидания нашего и благословляю тебя материнским благословением моим. Люби Дуню, свою сестру, Родя; люби так, как она тебя любит, и знай, что она тебя беспрдельно, больше себя самой любит. Она ангел, а ты, Родя, ты у нас всё - вся надежда наша и всё упование. Был бы только ты счастлив, и мы будем счастливы. Молишься ли ты богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благодать творца и искупителя нашего? Боюсь я, в сердце своем, не посетило ли и тебя новейшее модное безверие? Если так, то я за тебя молюсь. Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы! Прощай, или, лучше, до свидания! Обнимаю тебя крепко-крепко и целую бессчетно. Твоя до гроба Пульхерия Раскольников

4. В КАБАКЕ

СТУДЕНТ. Славная она, у ней всегда можно денег достать. Богата как жид, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым залогом не брезгает. Наших много у ней перебывало. Только стерва ужасная... Стоит только одним днем просрочить залог, и пропала вещь. Дает вчетверо меньше, чем стоит вещь, а процентов по пяти и даже по семи берет в месяц.

РАСКОЛЬНИКОВ. Да что ты?

СТУДЕНТ. У старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьет поминутно и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка, тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту...

РАСКОЛЬНИКОВ. Не может быть.

СТУДЕНТ. Вот ведь тоже феномен! Лизавета мещанка, а не чиновница, девица, и собой ужасно нескладная, росту замечательно высокого, с длинными, как будто вывернутыми ножищами, всегда в стоптанных козловых башмачках, и держит себя чистоплотно. А главное: Лизавета поминутно беременна ...

РАСКОЛЬНИКОВ. Да ведь ты говоришь, она урод?

СТУДЕНТ. Ей уже тридцать пять лет. Она работает день и ночь, была в доме вместо кухарки и прачки и, кроме того, шьет на продажу, даже полы мыть нанималась, и всё сестре отдает. Смуглая такая, точно солдат переряженный, но знаешь, совсем не урод. У нее такое доброе лицо и глаза. Очень даже. Многим нравится.

РАСКОЛЬНИКОВ. Слушай, а пришли мне эту Лизавету.

СТУДЕНТ. Зачем?

РАСКОЛЬНИКОВ. Для починки белья.

СТУДЕНТ. Тихая такая, кроткая, безответная, согласная, на всё согласная. А улыбка у ней даже очень хороша.

РАСКОЛЬНИКОВ. Да ведь она и тебе нравится?

СТУДЕНТ. Из странности. Нет, вот что я тебе скажу. Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести. Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь?

РАСКОЛЬНИКОВ. Ну, понимаю.

СТУДЕНТ. Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, - и всё это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь - тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен - да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает: она намеренно Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!

РАСКОЛЬНИКОВ. Конечно, она недостойна жить, но ведь тут природа.

СТУДЕНТ. Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было. Говорят: «долг, совесть», - я ничего не хочу говорить против долга и совести, - но ведь как мы их понимаем? Стой, я тебе еще задам один вопрос. Слушай!

РАСКОЛЬНИКОВ. Нет, ты стой; я тебе задам вопрос. Слушай!

СТУДЕНТ. Ну?

РАСКОЛЬНИКОВ. Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

СТУДЕНТ. Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

РАСКОЛЬНИКОВ. А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости! Пойдем еще выпьем!

СТУДЕНТ. А потом в публичный дом?

РАСКОЛЬНИКОВ. Нет, увольте ... Нет, увольте!

5. УБИЙСТВО

РАСКОЛЬНИКОВ. Дверь, как и тогда, отворилась на крошечную щелочку, и опять два вострые и недоверчивые взгляда уставились на него из темноты. Он взялся за дверь и потянул ее к себе, чтобы старуха как-нибудь не вздумала опять запереться.

ТЕНЬ. Увидя это, она не рванула дверь к себе обратно, но не выпустила и ручку замка, так что он чуть не вытащил ее, вместе с дверью, на лестницу.

РАСКОЛЬНИКОВ. Видя же, что она стоит в дверях поперек и не дает ему пройти, он пошел прямо на нее. - Здравствуйте, Алена Ивановна, я вам... вещь принес... да вот лучше пойдемте сюда... к свету...

ТЕНЬ. Господи! Да чего вам?.. Кто такой? Что вам угодно?

РАСКОЛЬНИКОВ. Помилуйте, Алена Ивановна... знакомый ваш... Раскольников... вот, заклад принес, что обещался намерен...

ТЕНЬ. Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же уставилась глазами прямо в глаза незнакомому гостю. Она смотрела внимательно, злобно и недоверчиво.

РАСКОЛЬНИКОВ. Да что вы так смотрите, точно не узнали? Хотите берите, а нет -я к другим пойду, мне некогда.

ТЕНЬ. Да чего же ты, батюшка, так вдруг... что такое?

РАСКОЛЬНИКОВ. Серебряная папиросочница: ведь я говорил прошлый раз.

ТЕНЬ. Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат! Искупался, что ль, батюшка?

РАСКОЛЬНИКОВ. Лихорадка. Поневоле станешь бледный... коли есть нечего.

ТЕНЬ. Что такое?

РАСКОЛЬНИКОВ. Вещь... папиросочница... серебряная... посмотрите.

ТЕНЬ. Да чтой-то, как будто и не серебряная... Ишь навертел ... - Стараясь развязать снурок и оборотаясь к окну, к свету, она на несколько секунд совсем его оставила и стала к нему задом.

РАСКОЛЬНИКОВ. Он расстегнул пальто и высвободил топор из петли, но еще не вынул совсем, а только придерживал правой рукой под одеждой. Руки всё более немели и деревенели. Он боялся, что выпустит и уронит топор...

ТЕНЬ. Да что он тут навертел!

РАСКОЛЬНИКОВ. Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом.

ТЕНЬ. Кровь хлынула, как из опрокинутого стакана, и тело повалилось навзничь. Он отступил, дал упасть и тотчас же нагнулся к ее лицу; она была уже мертвая. Глаза были вытаращены, как будто хотели выпрыгнуть, а лоб и всё лицо были сморщены и искажены судорогой.

РАСКОЛЬНИКОВ. Он положил топор на пол, подле мертвой. Нагнувшись и рассматривая ее опять ближе, он увидел ясно, что череп был раздроблен и даже сворочен чуть-чуть на сторону. Он было хотел пощупать пальцем, но отдернул руку; да и без того было видно. Крови между тем натекла уже целая лужа. Вдруг он заметил на ее шее снурок, дернул его, но снурок был крепок и не срывался; к тому же намок в крови. На снурке были два креста и тут же вместе с ними висел небольшой, замшевый, засаленный кошелек, со стальным ободком и колечком. Кошелек был очень туго набит. Раскольников сунул его в карман, не осматривая, кресты сбросил старухе на грудь и, захватив на этот раз и топор, бросился в спальню.

ТЕНЬ. Зубчатый ключ как раз пришелся и отпер. Между тряпьем были перемешаны золотые вещи, браслеты, цепочки, серьги, булавки. Он стал набивать ими карманы панталон и пальто, не разбирая и не раскрывая свертков и футляров ...

РАСКОЛЬНИКОВ. Вдруг послышалось, что в комнате, где была старуха, ходят. Явственно послышался легкий крик. Он вскочил, схватил топор и выбежал из спальни.

ТЕНЬ. Среди комнаты стояла Лизавета, с большим узлом в руках, и смотрела в оцепенении на убитую сестру. Увидав его, она приподняла руку, раскрыла рот, стала отодвигаться от него в угол. Он бросился на нее с топором. Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она так и рухнулась. Раскольников совсем было потерялся, схватил ее узел, бросил его опять и побежал в прихожую.

РАСКОЛЬНИКОВ. Страх охватывал его всё больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства. Ему хотелось поскорее убежать отсюда. Заглянув на кухню и увидав на лавке ведро, наполовину полное воды, он догадался вымыть себе руки и топор. Топор он опустил лезвием прямо в воду, схватил кусочек мыла и стал, прямо в ведре, отмывать себе руки. Отмыв их, он вытащил и топор, вымыл железо. Затем всё оттер бельем, которое тут же сушилось на веревке. «Боже мой! Надо бежать, бежать!».

ГОЛОС 1. Кто-то схватился за колокольчик и крепко позвонил. Незнакомец звякнул изо всей силы и стал дергать ручку у дверей.

ГОЛОС 2. Да что они там, дрыхнут или передушил их кто? Тррреклятые! Эй, Алена Ивановна, старая ведьма! Лизавета Ивановна, красота неописанная! Отворяйте! У, треклятые, спят они, что ли?

ГОЛОС 1. Неужели нет никого?

ГОЛОС 2. Да черт их знает, замок чуть не разломал.

ГОЛОС 1. Так нет их-то? Странно. Глупо, впрочем, ужасно. Куда бы старухе уйти? У меня дело.

ГОЛОС 2. Да и у меня, батюшка, дело!

ГОЛОС 1. Ну, что же делать? Значит, назад. Э-эх! А я было думал денег достать!

ГОЛОС 2. Конечно, назад, да зачем назначать? Сама мне, ведьма, час назначила. Мне ведь крюк. Да и куда к черту ей шлаться, не понимаю? Круглый год сидит ведьма, киснет, ноги болят, а тут вдруг и на гулянье!

ГОЛОС 1. У дворника не спросить ли? Куда ушла и когда придет?

РАСКОЛЬНИКОВ. Раскольников стоял и сжимал топор. Он выждал, вышел на цыпочках и побежал вниз. Никого на лестнице! Под воротами тоже. Быстро прошел он подворотню и повернул налево по улице. Никого, ни единой души, не встретил он потом до самой своей комнаты; хозяйкина дверь была заперта. Войдя к себе, он бросился на диван, так, как был. Он не спал, но был в забытьи. Если бы кто вошел тогда в его комнату, он бы тотчас же вскочил и закричал. Ключки и отрывки каких-то мыслей так и кишели в его голове; но он ни одной не мог схватить, ни на одной не мог остановиться, несмотря даже на усилия...

6. ЛУЖИН

НАСТАСЬЯ. Небось со вчерашнего не ел. Целый-то день прошлялся, а самого лихоманка бьет.

РАСКОЛЬНИКОВ. Настасья... за что били хозяйку?..

НАСТАСЬЯ. Кто бил хозяйку?

РАСКОЛЬНИКОВ. Сейчас... полчаса назад, Илья Петрович, надзирателя помощник, на лестнице... За что он так ее избил? и... зачем приходил?... Настасья, что ж ты молчишь?

НАСТАСЬЯ. Это кровь.

РАСКОЛЬНИКОВ. Кровь!.. Какая кровь?..

НАСТАСЬЯ. Никто хозяйку не бил.

РАСКОЛЬНИКОВ. Я сам слышал... я не спал... я сидел. Я долго слушал... Приходил надзирателя помощник... На лестницу все сбежались, из всех квартир...

НАСТАСЬЯ. Никто не приходил. А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выхода нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнет мерещиться... Есть-то станешь, что ли?

РАСКОЛЬНИКОВ. Пить дай... Настасьюшка.

Вошел Лужин.

ЛУЖИН. Родион Романович Раскольников, господин студент или бывший студент?

НАСТАСЬЯ. А вот он лежит на диване! А вам что нужно? Вот Раскольников!

РАСКОЛЬНИКОВ. Да! Я Раскольников! Что вам надо?

ЛУЖИН. Петр Петрович Лужин. Я в полной надежде, что имя мое не совсем уже вам неизвестно.

РАСКОЛЬНИКОВ. Знаю, знаю! Это вы? Жених? Ну, знаю!.. и довольно!

ЛУЖИН. Я рад встречать молодежь: по ней узнаешь, что нового. Я, видите ли, уже десять лет не посещал Петербурга. Все эти наши новости, реформы, идеи — всё это и до нас прикоснулось в провинции; но чтобы видеть яснее и видеть всё, надобно быть в Петербурге. Ну-с, а моя мысль именно такова, что всего больше заметишь и узнаешь, наблюдая молодые поколения наши. И признаюсь: порадовался...

РАСКОЛЬНИКОВ. Чему именно?

ЛУЖИН. Вопрос ваш обширен. Могу ошибаться, но, кажется мне, нахожу более ясный взгляд, более, так сказать, критики; более деловитости...

РАСКОЛЬНИКОВ. Общее место!

ЛУЖИН. Нет, не общее место-с! Если мне, например, до сих пор говорили: «возлюби», и я возлюблял, то что из того выходило? Выходило то, что я рвал кафтан пополам, делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы, по русской пословице: «Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь». Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Преступления в низшем классе, в последние лет пять, увеличились; не говорю о повсеместных и непрерывных грабежах и пожарах; страннее всего то для меня, что преступления и в высших классах таким же образом увеличиваются и, так сказать, параллельно. На всем готовом привыкли жить, на чужих помочах ходить, жеваное есть.

РАСКОЛЬНИКОВ. Да об чем вы хлопочете?

ЛУЖИН. На всё есть мера, экономическая идея еще не есть приглашение к убийству, и если только предположить...

РАСКОЛЬНИКОВ. А правда ль, что вы, правда ль, что вы сказали вашей невесте... в тот самый час, как от нее согласие получили, что всего больше рады тому... что она нищая... потому что выгоднее брать жену из нищеты, чтоб потом над ней властвовать... и попрекать тем, что она вами благодетельствована?..

ЛУЖИН. Милостивый государь! милостивый государь... так исказить мысль! Извините меня, но я должен вам высказать, что слухи, до вас дошедшие или, лучше сказать, до вас доведенные, не имеют и тени здравого основания, и я... подозреваю, кто... одним словом... эта стрела... одним словом, ваша мамаша... Она и без того показалась мне, при всех, впрочем, своих превосходных качествах, несколько восторженного и романического оттенка в мыслях... Но я все-таки был в тысяче верстах от предположения, что она в таком извращенном фантазией виде могла понять и представить дело... И наконец... наконец...

РАСКОЛЬНИКОВ. А знаете что? знаете что?

ЛУЖИН. А что-с?

РАСКОЛЬНИКОВ. А то, что если вы еще раз... осмелитесь упомянуть хоть одно слово... о моей матери... то я вас с лестницы кувырком спущу!

ЛУЖИН. А, так вот оно что-с! Слушайте, сударь, меня, я с первого шагу, разгадал вашу неприязнь, но нарочно оставался здесь, чтоб узнать еще более. Много я бы мог простить больному и родственнику, но теперь... вам... никогда-с...

РАСКОЛЬНИКОВ. Я не болен! Убирайтесь к черту!

НАСТАСЬЯ. Можно ли, можно ли так?

РАСКОЛЬНИКОВ. Оставьте, оставьте меня все! Да оставите ли вы меня наконец, мучители! Я вас не боюсь! Я никого, никого теперь не боюсь! Прочь от меня! Я один хочу быть, один, один, один!

НАСТАСЬЯ. Чаю-то теперь выпьешь?

РАСКОЛЬНИКОВ. После! Я спать хочу! Оставь меня...

7. ДОПРОС.

ТЕНЬ 1. Порфирий Петрович. Следователь по делу убиенной Алены Ивановны и ее сестры Лизаветы, царствие небесное им ... Помилуйте, очень приятно-с, да и приятно вы так вошли... Ведь я уже давно вас здесь поджидаю.

РАСКОЛЬНИКОВ. Поджидали? Да вы разве знали, что и я ...

ТЕНЬ 2. Ваши обе вещи, кольцо и часы, были у ней под одну бумажку завернуты, и на бумажке ваше имя карандашом четко обозначено, равно как и число месяца, когда она их от вас получила...

РАСКОЛЬНИКОВ. Как это вы так заметливы?..

ТЕНЬ 1. А почти все закладчики теперь уж известны, так что вы только одни и не изволили пожаловать.

РАСКОЛЬНИКОВ. Я не совсем был здоров.

ТЕНЬ 2. И об этом слышал-с. Слышал даже, что уж очень были чем-то расстроены. Вы и теперь как будто бледны?

РАСКОЛЬНИКОВ. Совсем не бледен... напротив, совсем здоров!

ТЕНЬ 1. А сегодня сказывал мне Никодим Фомич, что встретил вас вчера, уж очень поздно, в квартире одного, раздавленного лошадьми, чиновника... Последние деньги на похороны вдове отдали! Ну, захотел помочь — дайте пятнадцать, дайте двадцать, ну да хоть три целковых себе оставьте, а то все двадцать пять так и отвалили!

РАСКОЛЬНИКОВ. А может, я где-нибудь клад нашел? Вот я вчера и расщедрился...

ТЕНЬ 2. Вот что я вам скажу ... Законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Соломонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы.

РАСКОЛЬНИКОВ. Что-с?

ТЕНЬ 1. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колен выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками. Это тысячу раз было напечатано и прочитано.

ТЕНЬ 2. Что же касается до моего деления людей на обыкновенных и необыкновенных, то я согласен, что оно несколько произвольно. Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово.

ТЕНЬ 1. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительного.

ТЕНЬ 2. Второй разряд, все преступают закон, разрушители или склонные к тому, судя по способностям. Большею частию они требуют разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь. Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели. И те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать.

РАСКОЛЬНИКОВ. Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки такие есть? Одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?..

ТЕНЬ 1. Да, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет «устранять все препятствия», как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...

РАСКОЛЬНИКОВ. Это весьма часто бывает. Это замечание ваше еще даже остроумнее давешнего...

ТЕНЬ 2. Благодарю-с. Но вот ведь опять беда-с: скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, «необыкновенных-то» этих? Я, конечно, готов преклониться, но ведь согласитесь, жутко-с, если уж очень-то много их будет, а?

РАСКОЛЬНИКОВ. Не беспокойтесь и в этом. Вообще людей с новою мыслию, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало.

ТЕНЬ 1. Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... - будущий, разумеется, - да и давай устранять к тому все препятствия...

Предстоит, дескать, далекий поход, а в поход деньги нужны... ну и начнет добывать себе для похода... знаете?

РАСКОЛЬНИКОВ. Я должен согласиться, что такие случаи действительно должны быть. Глупенькие и тщеславные особенно на эту удочку попадают; молодежь в особенности.

ТЕНЬ 2. Вот видите-с. Ну так как же-с?

РАСКОЛЬНИКОВ. Так что же? Общество ведь слишком обеспечено ссылками, тюрьмами, судебными следователями, каторгами, - чего же беспокоиться? И ищите вора!..

ТЕНЬ 1. Ну, а коль сыщем?

РАСКОЛЬНИКОВ. Туда ему и дорога.

ТЕНЬ 2. Вы-таки логичны. Ну-с, а насчет его совести-то?

РАСКОЛЬНИКОВ. Да какое вам до нее дело?

ТЕНЬ 1. Да так уж, по гуманности-с.

РАСКОЛЬНИКОВ. У кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку. Это и наказание ему.

ТЕНЬ 2. Ну а действительно-то гениальные, вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?

РАСКОЛЬНИКОВ. Зачем тут слово: должны? Тут нет ни позволения, ни запрещения. Пусть страдает, если жаль жертву... Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть.

ТЕНЬ 1. Ну-с, браните меня или нет, сердитесь или нет, а я не могу утерпеть, позвольте еще вопросик один, одну только маленькую идейку хотел пропустить, единственно только чтобы не забыть-с... Ведь вот-с... право, не знаю, как бы удачнее выразиться... идейка-то уж слишком игривенькая... психологическая-с... А коль так-с, то неужели вы бы сами решились — ну там ввиду житейских каких-нибудь неудач и стеснений или для споспешествования как-нибудь всему человечеству — перешагнуть через препятствие-то?.. Ну, например, убить и ограбить?..

РАСКОЛЬНИКОВ. Позвольте вам заметить, что Магометом или Наполеоном я себя не считаю... ни кем бы то ни было из подобных лиц, следственно, и не могу, не быв ими, дать вам удовлетворительного объяснения о том, как бы я поступил.

ТЕНЬ 2. Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает? Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором уколошил?

ТЕНЬ 1. Вы уж уходите? Очень, очень рад знакомству. Да лучше всего зайдите ко мне... как-нибудь на днях... да хоть завтра. Я буду часов этак в одиннадцать, наверно.

Поговорим... Вы же, как один из последних, там бывших, может, что-нибудь и сказать бы нам могли...

РАСКОЛЬНИКОВ. Вы хотите меня официально допрашивать, со всею обстановкой?

ТЕНЬ 2. Зачем же-с? Покамест это вовсе не требуется. Вы не так поняли. Я, видите ли, не упускаю случая и... и со всеми закладчиками уже разговаривал... от иных отбирал показания... а вы, как последний...

8. СОНЯ

ТЕНЬ 1. Раскольников пошел прямо к дому на канаве, где жила Соня. Дом был трехэтажный, старый и зеленого цвета. Отыскав в углу на дворе вход на узкую и темную лестницу, он поднялся наконец во второй этаж, отворилась какая-то дверь.

ТЕНЬ 2. Кто тут? - тревожно спросил женский голос.

РАСКОЛЬНИКОВ. Это я... к вам, - ответил Раскольников и вошел в крошечную переднюю.

ТЕНЬ 1. Это вы! Господи!

ТЕНЬ 2. Раскольников, стараясь не глядеть на нее, поскорей прошел в комнату. Через минуту вошла со свечой и Соня, поставила свечу и стала сама перед ним, совсем растерявшаяся, вся в невыразимом волнении и, видимо, испуганная его неожиданным посещением. Раскольников быстро отвернулся и сел на стул к столу.

РАСКОЛЬНИКОВ. Я поздно... Одиннадцать часов есть? Я к вам в последний раз пришел, я, может быть, вас не увижу больше... Я пришел одно слово сказать... Какая вы худенькая! Вон какая у вас рука! Совсем прозрачная. Пальцы как у мертвой.

ТЕНЬ 1. Он взял ее руку. Соня слабо улыбнулась.

ТЕНЬ 2. Я и всегда такая была. Мне Лизавета, торговка, воротнички и нарукавнички дешево принесла, хорошенькие, новенькие и с узором.

РАСКОЛЬНИКОВ. Эту Лизавету торговку вы знали?

ТЕНЬ 1. Да... А вы разве знали?

РАСКОЛЬНИКОВ. Не каждый день получаете-то?

ТЕНЬ 1. Соня больше прежнего смутилась, и краска ударила ей опять в лицо.

ТЕНЬ 2. Нет.

РАСКОЛЬНИКОВ. С Полечкой, наверно, то же самое будет.

ТЕНЬ 1. - Нет! нет! Не может быть, нет! - как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили. - Бог, Бог такого ужаса не допустит!..

РАСКОЛЬНИКОВ. Других допускает же.

ТЕНЬ 2. Нет, нет! Ее Бог защитит, Бог!...

РАСКОЛЬНИКОВ. Да, может, и Бога-то совсем нет, - с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее. Наконец подошел к ней; глаза его сверкали. Он взял ее обеими руками за плечи и прямо посмотрел в ее плачущее лицо. Взгляд его был сухой, воспаленный, острый, губы его сильно вздрагивали... Вдруг он весь быстро наклонился и, припав к полу, поцеловал ее ногу. Соня в ужасе от него отшатнулась, как от сумасшедшего. И действительно, он смотрел как совсем сумасшедший.

ТЕНЬ 2. Что вы, что вы это? Передо мной! - пробормотала она, побледнев, и больно-больно сжало вдруг ей сердце. Он тотчас же встал.

РАСКОЛЬНИКОВ. Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился.

ТЕНЬ 1. Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница! Ах, что вы это сказали!

РАСКОЛЬНИКОВ. Не за бесчестие и грех я сказал это про тебя, а за великое страдание твое. Ты живешь в этой грязи, которую так ненавидишь, и в то же время знаешь сама, что никому ты этим не помогаешь и никого ни от чего не спасаешь! Да скажи же мне наконец, как этакой позор и такая низость в тебе рядом с другими противоположными и святыми чувствами совмещаются? Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить! Ей три дороги: броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом, или... или, наконец, броситься в разврат, одурманивающий ум и окаменяющий сердце. - Так ты очень молишься Богу-то, Соня? — спросил он ее.

ТЕНЬ 1. Соня молчала, он стоял подле нее и ждал ответа.

ТЕНЬ 2. Что ж бы я без Бога-то была?

РАСКОЛЬНИКОВ. А тебе Бог что за это делает?

ТЕНЬ 1. Соня долго молчала, как бы не могла отвечать. Слабенькая грудь ее вся колыхалась от волнения.

ТЕНЬ 2. Молчите! Не спрашивайте! Вы не стоите!..

РАСКОЛЬНИКОВ. Юродивая! Юродивая!

ТЕНЬ 1. На комод лежал Новый завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете.

РАСКОЛЬНИКОВ. Это откуда?

ТЕНЬ 2. Мне принесли.

РАСКОЛЬНИКОВ. Кто принес?

ТЕНЬ 1. Лизавета принесла, я просила.

РАСКОЛЬНИКОВ. Где тут про Лазаря? Про воскресение Лазаря где? Найди и прочти мне. Читай!

ТЕНЬ 2. А в церкви не слышали?

РАСКОЛЬНИКОВ. Я... не ходил. А ты часто ходишь?

ТЕНЬ 1. Я и на прошлой неделе была... панихиду служила. По Лизавете. Ее топором убили.

РАСКОЛЬНИКОВ. Ты с Лизаветой дружна была?

ТЕНЬ 2. Да... Она была справедливая... она приходила... редко... нельзя было. Мы с ней читали и... говорили. Она бога узрит.

РАСКОЛЬНИКОВ. Читай! Читай! Я так хочу! читала же Лизавете!

ТЕНЬ 2. «Был же болен некто Лазарь, из Вифании... Марфа, услыша, что идет Иисус, пошла навстречу ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего ты попросишь у бога, даст тебе бог».

РАСКОЛЬНИКОВ. «Иисус же, опять скорбя внутренно, проходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего Марфа говорит ему: господи! уже смердит; ибо четыре дни, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию? И так, отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: отче, благодарю тебя, что ты услышал меня. Я и знал, что ты всегда услышишь меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что ты послал меня. Сказав сие, воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами; и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его; пусть идет. Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в него».

ТЕНЬ 1. Всё об воскресении Лазаря.

РАСКОЛЬНИКОВ. Я о деле пришел говорить. Я сегодня родных бросил, мать и сестру. Я не пойду к ним теперь. Я там всё разорвал. У меня теперь одна ты. Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!

ТЕНЬ 2. Куда идти?

РАСКОЛЬНИКОВ. Почему ж я знаю? Ты мне нужна, потому я к тебе и пришел. Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной... Стало быть, нам вместе идти, по одной дороге! Пойдем!

ТЕНЬ 1. Зачем? Зачем вы это!

РАСКОЛЬНИКОВ. Зачем? Потому что так нельзя оставаться — вот зачем! Надо же, наконец, рассудить серьезно и прямо, а не по-детски плакать и кричать, что бог не допустит! Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Свободу и власть взять, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем

муравейником!.. Вот цель! Помни это! Это мое тебе напутствие! Может, я с тобой в последний раз говорю. Если приду завтра, то скажу, кто убил Лизавету. Прощай!

ТЕНЬ 2. Да разве вы знаете, кто убил?

РАСКОЛЬНИКОВ. Знаю и скажу... Тебе, одной тебе! Я не прощения приду просить к тебе, я просто скажу. Я тебя давно выбрал, чтоб это сказать тебе. Прощай. Руки не давай. Завтра!

ТЕНЬ 1. Он вышел.

9. ПОРФИРИЙ

ПОРФИРИЙ. А, почтеннейший! Вот и вы... в наших краях... Ну, садитесь-ка, батюшка! За фамильярность, пожалуйста, не считите... Вот сюда-с, на диванчик.

РАСКОЛЬНИКОВ. Я вам принес эту бумажку... об часах-то... вот-с.

ПОРФИРИЙ. Что? Бумажка? Так, так... не беспокойтесь, так точно-с. Больше ничего и не надо.

РАСКОЛЬНИКОВ. Вы, кажется, говорили, что желали бы спросить меня... о моем знакомстве с... убитой?

ПОРФИРИЙ. Да-да-да! Не беспокойтесь! Время терпит, время терпит-с. Успеем-с, успеем-с!.. А вы курите? Есть у вас? Вот-с, папиросочка-с...

РАСКОЛЬНИКОВ. А знаете что, ведь существует такое юридическое правило для всех следователей — сперва начать издалека, с пустячков, и потом вдруг, неожиданнейшим образом огорошить его роковым и опасным вопросом? Я пришел, и если вам надо что, так спрашивайте, не то, позвольте уж мне удалиться.

ПОРФИРИЙ. Господи! Да что вы это! Да об чем вас спрашивать, да не беспокойтесь, пожалуйста, время терпит, время терпит-с, и всё это одни пустяки-с! Нервный человек-с, рассмешили вы меня очень. Я вам одну вещь, батюшка Родион Романович, скажу про себя, так сказать в объяснение характеристики. Всё сижу и уж так рад походить минут пять... геморрой-с... всё гимнастикой собираюсь лечиться; там, говорят, действительные статские и даже тайные советники охотно через веревочку прыгают-с; вон оно как, наука-то, в нашем веке-с... так-с... Вы ведь в юристы готовитесь, Родион Романович?

РАСКОЛЬНИКОВ. Да, готовился...

ПОРФИРИЙ. Да что это вы так побледнели, Родион Романович, не душно ли вам, не растворить ли окошечко?

РАСКОЛЬНИКОВ. Порфирий Петрович! я, наконец, вижу ясно, что вы положительно подозреваете меня в убийстве этой старухи и ее сестры Лизаветы. Если находите, что имеете право меня законно преследовать, то преследуйте; арестовать, то арестуйте. Но смеяться себе в глаза я не позволю. слышите вы это, Порфирий Петрович? Не позволю!

ПОРФИРИЙ. Ах, господи, да что это опять! Родион Романович! Родименький! Отец! Да что с вами? Батюшка, потише! Ведь услышат, придут! Ну что тогда мы им скажем, подумайте!

РАСКОЛЬНИКОВ. Не позволю, не позволю!

ПОРФИРИЙ. Воздуху пропустить, свежего! Да водицы бы вам, голубчик, испить, ведь это припадок-с! Батюшка, испейте, авось поможет... Да садитесь же, батюшка, присядьте ради Христа! Родион Романович, что я не такие еще ваши подвиги знаю; обо всем известен-с! Как вы квартиру-то нанимать ходили, под самую ночь, когда смерклось, да в колокольчик стали звонить, да про кровь спрашивали, да работников и дворников с толку сбили.

РАСКОЛЬНИКОВ. Вы всё лжете. Или просто смеетесь надо мной... Лжете вы всё!

ПОРФИРИЙ. Экой же вы вертун! наблюдайте вашу болезнь. К тому же вот к вам и фамилия теперь приехала. Покоить вам и нежить их следует, а вы их только пугаете...

РАСКОЛЬНИКОВ. Какое вам дело? Почему это вы знаете? К чему так интересуетесь? Вы следите, стало быть, за мной и хотите мне это показать? Лжете вы всё!

ПОРФИРИЙ. Я лгу? Я лгу?..

РАСКОЛЬНИКОВ. Одним словом, одним словом, я хочу знать: признаете ли вы меня окончательно свободным от подозрений или нет?

ПОРФИРИЙ. Да и к чему вам знать, к чему вам так много знать, коли вас еще и не начинали беспокоить нисколько! Ведь вы как ребенок: дай да подай огонь в руки!

РАСКОЛЬНИКОВ. Повторяю вам, что не могу дольше переносить...

ПОРФИРИЙ. Чего-с? Неизвестности-то?

РАСКОЛЬНИКОВ. Не явите меня! Я не хочу!.. Говорю вам, что не хочу!.. Не могу и не хочу!.. Слышите! Я не дам себя мучить! арестуйте меня, обыскивайте меня, но извольте действовать по форме, а не играть со мной-с! Не смейте...

ПОРФИРИЙ. Да не беспокойтесь же о форме, я вас, батюшка, пригласил теперь по-домашнему, совершенно этак по-дружески!

РАСКОЛЬНИКОВ. Не хочу я вашей дружбы и плюю на нее! Слышите ли? И вот же: беру фуражку и иду. Ну-тка, что теперь скажешь, коли намерен арестовать?

ПОРФИРИЙ. А сюрпризик-то не хотите разве посмотреть?

РАСКОЛЬНИКОВ. Какой сюрпризик? что такое?

ПОРФИРИЙ. Сюрпризик-с, вот тут, за дверью у меня сидит, хе-хе-хе! Я и на замок припер, чтобы не убежал.

РАСКОЛЬНИКОВ. Что такое? где? что?..

ПОРФИРИЙ. Заперта-с, вот и ключ!

РАСКОЛЬНИКОВ. Лжешь, ничего не будет! Зови людей! Чего ждешь? Где? Подавай!

ПОРФИРИЙ. Вообразится же человеку! Да этак по форме и действовать-то нельзя, как вы говорите, дела вы, родимый, не знаете... А форма не уйдет-с, сами увидите!..

РАСКОЛЬНИКОВ. А, идут! Ты их ждал! Ты рассчитал... Ну, подавай сюда всех... давай! Я готов! готов!

10. ТЕЛЕФОН. НОЧНОЙ КЛУБ.

РАСКОЛЬНИКОВ (*говорит по телефону*). Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша, которую еще вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!.. Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... Тебе смешно? Да, Соня, тут всего смешнее то, что именно оно так и было... (*Отключил телефон*). Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную. Видишь, я тогда всё себя спрашивал: зачем я так глуп, что если другие глупы и коли я знаю уж наверно, что они глупы, то сам не хочу быть умнее? Потом я узнал, Соня, что если ждать, пока все станут умными, то слишком уж долго будет... Потом я еще узнал, что никогда этого и не будет, что не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить! Да, это так! Это их закон... Закон, Соня! Это так!.. И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет! Только слепой не разглядит! Я догадался тогда, Соня, что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! Начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею... Слушай: когда я тогда к старухе ходил, я только попробовать сходил... Да ведь как убил-то? Разве так убивают? Разве так идут убивать, как я тогда шел! Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...

Звук СМС, Раскольников читает с телефона СМС.

« ... Встань! Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре

стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда бог опять тебе жизни пошлет. Пойдешь? Пойдешь? ...»

(Смеется). Это ты про каторгу, что ли, Соня? Донести, что ль, на себя надо? Нет! Не пойду я к ним, Соня. Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают. Плуты и подлецы они, Соня!.. Не пойду. И что я скажу: что убил, а денег взять не посмел, под камень спрятал? Так ведь они же надо мной сами смеяться будут, скажут: дурак, что не взял. Трус и дурак! Ничего, ничего не поймут они, Соня, и недостойны понять. Зачем я пойду? Не пойду. Не будь ребенком, Соня... Я еще человек, а не вошь и поторопился себя осудить... Я еще поборюсь.

11. КАТОРГА.

РАСКОЛЬНИКОВ. Он был болен уже давно. Но ужасы каторжной жизни не сломили его. Напротив, он рад был работе: измучившись на работе физически, он добывал себе несколько часов спокойного сна.

ТЕНЬ 1. Ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошлом, кроме простого промаху, который со всяким мог случиться. Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, глухо и глупо, по приговору слепой судьбы, и должен смириться и покориться пред «бессмыслицей» какого-то приговора.

ТЕНЬ 2. Зачем жить? Что иметь в виду? К чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но он тысячу раз и прежде готов был отдать свое существование за идею, за надежду. Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего.

РАСКОЛЬНИКОВ. И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! Он бы обрадовался ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь.

ТЕНЬ 1. Но он не раскаивался в своем преступлении.

ТЕНЬ 2. По крайней мере, он мог бы злиться на свою глупость, на безобразные и глупейшие действия свои, которые довели его до острога. Но теперь, уже в остроге, на свободе, он вновь обсудил и обдумал все прежние свои поступки и совсем не нашел их так глупыми и безобразными, как казались они ему в то роковое время, прежде.

РАСКОЛЬНИКОВ. «Чем, чем, моя мысль была глупее других мыслей и теорий? Ну чем мой поступок кажется им так безобразен? Тем, что он — злодеяние? Что значит слово „злодеяние“? Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление, конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно!».

ТЕНЬ 1. Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не стерпел и сделал явку с повинною.

ТЕНЬ 2. Он смотрел на каторжных товарищей своих и удивлялся: как все они любили жизнь, как они дорожили ею!

РАСКОЛЬНИКОВ. В остроге он многого не замечал. Он жил, как-то опутив глаза: ему омерзительно и невыносимо было смотреть. Наиболее стала удивлять его та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людом. Казалось, он и они были разных наций.

ТЕНЬ 1. Его же самого не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть — почему? Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее.

ТЕНЬ 2. Ты барин! — говорили ему. — Тебе ли было с топором ходить; не барское вовсе дело. Ты безбожник! Ты в бога не веруешь! Убить тебя надо.

РАСКОЛЬНИКОВ. Шла уже вторая неделя после Святой; стояли теплые, ясные, весенние дни; в арестантской палате отворили окна - решетчатые, под которыми ходил часовой.

ТЕНЬ 1. Соня, во всё время болезни его, часто приходила на госпитальный двор, под окна, чтобы постоять на дворе минутку и хоть издали посмотреть на окна палаты. Однажды, под вечер, уже Раскольников, проснувшись, нечаянно подошел к окну и вдруг увидел вдали, у госпитальных ворот, Соню.

ТЕНЬ 2. Она стояла и как бы чего-то ждала. Что-то как бы пронзило в ту минуту его сердце. Он вздрогнул и поскорее отошел от окна.

РАСКОЛЬНИКОВ. День опять был ясный и теплый. Ранним утром он отправился на работу, на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебаstra.

ТЕНЬ 1. Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку.

12. ПЕСНЯ.

ТЕНЬ 1. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних.

ТЕНЬ 2. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила.

РАСКОЛЬНИКОВ. Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился. Она приветливо улыбнулась ему, и, по обыкновению, робко протянула ему свою руку.

ТЕНЬ 1. Их руки не разнимались; он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился.

ТЕНЬ 2. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, что он любит, бесконечно любит ее и что настала наконец эта минута...

РАСКОЛЬНИКОВ. Вечером того же дня, когда уже заперли казармы, Раскольников лежал на нарах и думал о ней. В этот день ему показалось, как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе.

ТЕНЬ 1. Семь лет, только семь лет! Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...

РАСКОЛЬНИКОВ. Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история перерождения его, перехода из одного мира в другой. Это могло бы составить тему нового рассказа ...

ТЕНЬ 2. ... но теперешний рассказ наш окончен.

КОНЕЦ

апрель 2019 года,

город Екатеринбург.